

№ 1562-1/17) [The draft law of the Republic of Crimea "On the functioning of the state languages of the Republic of Crimea and other languages in the Republic of Crimea" (Resolution of the State Council of the Republic of Crimea dated May 24, 2017 No. 1562-1/17)]. Available at: crimea.gov.ru/textdoc/7/project/2-351.pdf.

13. *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern political science. Methodology]. Moscow, Aspekt-Press, 2019.

14. Sokolovskiy, S. V., Tishkov, V. A. *Evropeyskaya yazykovaya Khartiya i zashchita yazykovykh prav v Rossii* [European Language Charter and the Protection of Language Rights in Russia]. *Evropeyskaya yazykovaya Khartiya i Rossiya* [European Language Charter and Russia]. Moscow, IEA RAN Publ., 2010.

15. Tishkov, V. A. *Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Rossii (reviziya kategoriy i praktik)* [Language situation and language policy in Russia (revision of categories and practices)]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 2019, no. 3.

16. *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Ed. by Yu. L. Mikhailchenko. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016.

17. Wodak, R., de Cillia, R. *Politics and Language: Overview. Encyclopedia of Language & Linguistics*. Oxford, 2006.

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-066-073

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
МОЛОДЁЖИ В КРЫМУ И СЕВАСТОПОЛЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ МАССОВЫХ ОПРОСОВ)⁴**

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор

Кубанский государственный университет

Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Определён тип межэтнических и конфессиональных отношений молодёжи в современной Республике Крым и г. Севастополе. Эмпирической основой выводов стали пилотажный и массовый анкетные опросы молодёжи, проведённые в 2017–2019 гг. Установлена асимметрия межэтнических межконфессиональных дистанций русских, украинцев и крымских татар. Выявлены стереотипы межэтнических восприятий, степень политизации этнических и конфессиональных маркеров в массовом общественном мнении. Раскрыто несоответствие между этнической и языковой самоидентификацией молодёжи. Установлена иерархия идентичностей и раскрыт уровень сформированности российской национальной идентичности молодёжи на Крымском полуострове. Определена степень этнизации проблем миграции, сниженная в сравнении с другими регионами Юга России. Выявлены сходства и различия этнической и конфессиональной идентичностей опрошенной молодёжи в Республике Крым и г. Севастополе, вызванные контрастным уровнем полиэтничности и экономическим контекстом развития сообществ. Аргументирован вывод о достаточно слабой эффективности информационной политики, призванной формировать российскую идентичность молодых жителей Крымского полуострова. Обоснованы меры совершенствования государственной информационной политики в этнополитической сфере.

Ключевые слова: межэтнические и конфессиональные отношения, молодёжь, Крым, Севастополь, массовые опросы

**INTER-ETHNIC AND CONFESSIONAL RELATIONS OF YOUTH
IN THE CRIMEA AND SEVASTOPOL (ON MASS POLLS' MATERIALS)**

Baranov Andrey V., D. Sc. (Policy), D. Sc. (History), Professor

Kuban State University

149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation

E-mail: baranovandrew@mail.ru

The article defines the type of interethnic and religious relations of youth in the modern Republic of Crimea and the city of Sevastopol. The empirical basis of the findings was the pilot and mass questionnaires of youth conducted with the participation of the author in 2017–2019. The asymmetry of interethnic and interfaith distances of Russians, Ukrainians and Crimean Tatars is established. The stereotypes of interethnic perceptions, the degree of politicization of ethnic and confessional markers in popular public opinion are revealed. The discrepancy between the ethnic and linguistic identity of youth is revealed. The hierarchy of identities is established and the level of formation of the Russian national youth identity on the Crimean peninsula is revealed. The degree of ethnization of migration problems, reduced in comparison with other regions of the South of Russia, is determined. The similarities and differences of ethnic and

⁴ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов». (The study was carried out within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research No. 17-03-00802 "Conflictogenic and integration factors in the development of human potential in the South of Russia under new geopolitical challenges".)

confessional identities of the interviewed youth in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, caused by the contrasting level of multi-ethnicity and the economic context of community development, are revealed. The conclusion about the rather weak effectiveness of the information policy, designed to shape the Russian identity of young residents of the Crimean peninsula, is argued. Measures for improving the state information policy in the ethno-political sphere are substantiated.

Keywords: interethnic and confessional relations, youth, Crimea, Sevastopol, mass polls

Интеграция Крыма и Севастополя в российское общество и государство – это длительный процесс, для успеха которого важным аспектом являются позитивные межэтнические и межконфессиональные отношения в крымском сообществе. Интеграция обретает прочность, когда весомое большинство в социуме вырабатывает посредством повседневных практик близкие ценности и ориентации, установки политической культуры. Социокультурная интеграция в полиэтничных и многоконфессиональных регионах, к которым, несомненно, относится Крым, означает «единство в многообразии», а не унификацию. Пятилетний юбилей воссоединения Крыма с Россией – хорошая дата для осмысления и самой интеграционной политики. Молодёжь является «группой риска», т. к. не обладает достаточным жизненным опытом и познаниями в области межэтнических отношений. Данный приграничный регион развивается в условиях информационной войны со стороны стран Запада и Украины, угроз терроризма и экстремизма. Но актуальная тема исследована фрагментарно и неравномерно. Быстро изменяющиеся политические условия интеграции побуждают проводить социологические опросы часто и регулярно, что не всегда соблюдается.

Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму за период воссоединения с Россией рассматриваются в многочисленных прикладных публикациях. Основное внимание в них сосредоточено на диагностике межэтнических и конфессиональных восприятий, на динамике укрепления российской национальной идентичности. Упомянем в качестве наиболее фундаментальных монографии: Н. В. Киселёвой, А. В. Мальгина, В. П. Петрова и А. А. Форманчука [9]; В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко и В. В. Степанова [14], а также статьи Е. В. Бродовской, А. Ю. Домбровской, Д. Н. Карзубовым и С. А. Казаченко [4], И. В. Задорина [6], Г. С. Денисовой [5], А. М. Канаха, Л. П. Нелиной и О. В. Ярмач [8]. Представляют интерес статьи Р. Э. Бараш [3] и И. В. Ситновой [13] об особенностях межэтнических восприятий и идентичности севастопольского сообщества. Опубликована также статья А. В. Баранова, М. В. Донцовой и В. А. Чигрина по итогам пилотажного и массового опросов крымской молодёжи в 2017 и 2018 гг. [2]. Перечисленные работы основаны на самостоятельных эмпирических исследованиях.

Цель нашей статьи – определить тип межэтнических и конфессиональных отношений молодёжи в современной Республике Крым и г. Севастополе. Это предполагает определение межэтнических дистанций и стереотипов межэтнических восприятий, иерархию групповых идентичностей, установление стереотипов политизации этничности и уровня этнизации вопросов миграции. Необходимо также выявить сходства и различия этнической идентичности респондентов в Республике Крым и г. Севастополе.

Теоретическую основу исследования представляет конструктивистская парадигма этничности, обоснованная Ф. Бартом [15, р. 294–323] и Б. Андерсоном [1, с. 80–85]. Этнические группы понимаются как сообщества людей, сознательно конструируемые на основе культурных отличительных признаков (языка, дискурса, символов, исторических мифов и памяти, обычаев и др.). Следовательно, таксономия этнических групп и границы между ними, проявляющиеся в ориентациях и установках самосознания, подвижны и достаточно быстро могут быть изменены путём целенаправленных информационных кампаний, вследствие повседневных социальных практик. Это подтверждается, в частности, значительным сокращением численности украинцев в Крыму за 2001–2018 гг., зафиксированном переписями населения, а также социологическими опросами.

Эмпирическая основа статьи – результаты пилотажного анкетного опроса (лето 2017 г.) и двух волн массового анкетного опроса в Республике Крым (РК) и г. Севастополе (август – сентябрь 2018 и май – июнь 2019 г.). Опросы проведены по пропорциональной этнической и гендерной выборкам в населённых пунктах различного размера (административные центры двух регионов, города среднего и малого размера, сельская местность). Выборка массовых опросов – 630 чел. (380 в Республике Крым (РК) и 250 в г. Севастополе), возраст – 16–35 лет; работает и совмещает работу с учёбой – 39,8 %, только учится – 57,9 %, остальные ведут домашнее хозяйство либо безработные). На Крымском полуострове основными по численности этническими группами являются русские, украинцы и крымские татары, а конфессиональными сообществами – православные и мусульмане. Поэтому итоги опросов излагаются применительно к данным народам. Опросы проведены коллективом грантового проекта РФФИ

под руководством И. В. Юрченко (Кубанский государственный университет) с участием А. В. Баранова и М. В. Донцовой (КубГУ), В. А. Чигрина и Е. Г. Городецкой (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского), Л. Н. Гарас (Севастопольский государственный университет). Результаты опроса приводятся по текущему архиву грантового проекта.

Межэтнические отношения оцениваются нами по таким индикаторам, как уровень субъективно ощущаемой безопасности, частота межэтнических коммуникаций, существующие у этнических групп взаимные стереотипы восприятия, уровень межгрупповой конфликтности / согласия, дистанции. Крымчане считают себя защищёнными финансово на 1,39 балла по трёхбалльной шкале; имущественно – 1,67; физически – 1,76; в области своих прав – 1,54. Снижен только уровень информационной безопасности (1,11 балла в сравнении с 1,28). Самое скептическое восприятие безопасности – у молодёжи г. Симферополя, более оптимистичное – на остальной территории РК.

Частота межэтнических контактов оценивается как «постоянная» 38,7 % респондентами в РК и 19,2 % в Севастополе; «регулярная и частая» – 25,1 и 17,6 %. Считают, что «почти не общаются с другими народами», – 5,9 % в РК и 9,6 % в Севастополе; «стараясь избегать контактов» – 2,4 и 4,8 %. Частота межрелигиозных контактов несколько ниже.

Интерес представляет степень значимости этнических и конфессиональных вопросов как таковых для крымской молодёжи. Установлена близость размеров двух подгрупп респондентов, которые ориентированы на традиционализм и этноконфессиональную «интравертность», а также открытых к межгрупповым контактам и обмену ценностями. Так, ответ «Я живу по традициям, моральным нормам, ценностям, которые приняты у моего народа» набрал в выборке РК и Севастополя 1,58 балла из максимальных 3; «Я намерен(а) воспитывать своих детей в традициях своего народа / своей веры» – соответственно 1,69 и 1,55; «Я – верующий человек и живу по традициям своей веры, исповедую мораль и ценности своей веры» – 1,23 и 1,08 балла. «Экстравертная» подгруппа характеризуется ответами: «Я стремлюсь понимать и изучать культуру и традиции других народов, кроме своей собственной» – 1,30 балла в РК и 1,25 в Севастополе; «Я стремлюсь понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной» – соответственно 1,00 и 0,68 балла.

Выявлен достаточно весомый потенциал межэтнической терпимости молодёжи. Среди опрошенных (лето 2018 и весна 2019 г.) в РК 41,3 % полагают, что крымские татары не конфликтуют с другими народами, 59,7 % – что они знают и уважают законы, 66,5 % – уважают языки, традиции и культуру других народов, 59,5 % выражают доверие к татарам. В отношении русских и украинцев уровень интеграции в сообщество оценивается выше. 76,5 % респондентов в РК ответили, что не конфликтуют с другими народами русские, а 60,6 % – что не конфликтуют украинцы. Уровень доверия молодёжи в РК к русским 89,3 %, к украинцам – 76,7 %.

Большинство опрошенных положительно оценивает состояние межэтнических и конфессиональных отношений. В то же время сказали, что они лично переживали оскорбления / конфликты на почве национальной, религиозной нетерпимости 30,6 % в РК и 24,1 % в Севастополе. Испытывали дискриминацию по половому, возрастному, религиозному или национальному признакам 24,2 % респондентов в РК и 19,5 % в Севастополе. Однако проверочный вопрос «В какой мере национальность может стать реальным препятствием при достижении личных, профессиональных, творческих, деловых целей, раскрытию Вашего потенциала» дал более позитивные ответы: лишь 6,1 % в РК и 4,0 % в Севастополе считают препятствием свою национальность и, соответственно, 4,0 и 3,2 % – свою религию.

Межэтническая и межконфессиональная дистанции выявляет уровень доверия между этническими группами, степень интеграции общества. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса в отношении русских в РК 2,17 балла из возможных 9; украинцев – 2,61; крымских татар – 3,38; армян – 3,78. В г. Севастополе дистанции увеличенные: к русским – 2,43 балла, украинцам – 2,91, крымским татарам – 4,26, армянам – 4,19. Уровень межконфессиональных дистанций в отношении христиан всех конфессий – 2,92 балла в РК и 3,38 в Севастополе, мусульман – 3,54 в РК и 4,16 в Севастополе.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена семьи») составила 56,9 % в отношении русских, 46,2 % – украинцев, 26,2 % – крымских татар, 16,9 % – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости 34,6 %, мусульман – 24,6 %. Выявлен достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодёжи. Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости «Я не хотел бы видеть их в стране» в отношении украинцев 0,8 %, русских – 1,5 %, армян – 6,2 %, крымских татар – 1,5 %, армян – 6,2 %.

крымских татар – 7,7 %. В отношении конфессий установка абсолютной неприемлемости – 3,8 % для христиан и 8,5 % для мусульман. «Точки риска» – экономически депрессивный и приграничный Джанкойский район, а также г. Симферополь и его пригороды (это подтверждается и более ранним исследованием В. И. Мукомеля и С. Р. Хайкина) [11, с. 51–68].

Важна также иерархия идентичностей, позволяющая судить о степени социокультурной интегрированности молодых крымчан в российское общество. Респонденты ощущают себя в первую очередь «представителем человечества» – 31,8 в РК и 34,9 % в Севастополе, жителем полуострова – 23,2 в РК и 12,9 % в городе, россиянином – 18,2 в РК и 20,1 % в Севастополе, жителем города или села – 7,6 в РК и 14,1 % в городе, «человеком своей национальности» – 7,4 в РК и 5,6 % – в городе, жителем Юга России – 2,6 в РК и 4,4 % в городе, «человеком определённой веры» – 3,2 в РК и 1,6 % в Севастополе. Удельный вес отдающих первенство российской идентичности среди молодых респондентов полуострова ниже, чем в Краснодарском крае (в сравнении – 18,9 и 32,1 %).

Эти достаточно неожиданные результаты, видимо, связаны с высоким процентом учащейся молодёжи в выборке («глобальная» идентичность – это, скорее, виртуальная фронда, поскольку реально респонденты не включены в подобные практики достаточным образом). Они напрямую связаны с отношением опрошенных к воссоединению Крыма с Россией. Поддержали воссоединение (с разной степенью категоричности) 66,2 % респондентов в РК и 80,0 % в Севастополе; не поддержали (в разной мере) – соответственно, 16,2 и 8,0 %. Результаты более раннего массового опроса, организованного Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель – июнь 2016 г., выборка 1 101 чел. старше 18 лет всех поколений), показали: воссоединение поддерживали 96 % русских, 84 % украинцев и 46 % крымских татар (ещё 36 % крымских татар уклонились от отчётливых вариантов ответа) [12, с. 40–41].

В наибольшей мере российская идентичность значима для русской молодёжи, в средней – для украинской и в меньшей – для крымско-татарской. Привести соотношения внутри этнических подвыборок по нашему исследованию мы не можем, данные ещё обрабатываются. Но есть более ранние материалы массового опроса, проведённого сотрудниками Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского и Севастопольского государственного университета (2017 г., выборка 1 600 чел., студенческая молодёжь всего полуострова – 17–25 лет, погрешность не больше 3 %) [8, с. 50–63]. Иерархия идентичностей по всей выборке такова: 50 % считают себя в первую очередь гражданами России, 36 % – жителями полуострова, 18 % – жителями своей местности, 7 % – представителями своей конфессии, 6 % – представителями своего народа. Однако распространённость национальной идентичности контрастна в сравнении трёх этнических подвыборок. Считают себя в первую очередь гражданами России 54 % русских, 19 % украинцев и 17 % крымских татар. Среди крымских татар в большей степени, чем у русских (38 %) и украинцев (46 %), проявляется региональная приверженность. 54 % опрошенных крымских татар отнесли себя к группе «мы – жители полуострова». Характерно и то, что считают себя прежде всего представителями конфессии 6 % русских, 24 % украинцев и 12 % крымских татар; представителями своего народа – 4 % русских, 9 % украинцев и 10 % крымских татар. Авторы исследования КФУ и СевГУ делают вывод: «у русских студентов национальная идентичность базируется в первую очередь на основе принадлежности к государству, что не присуще украинской и крымско-татарской студенческой молодёжи» [8, с. 54–55]. Крымско-татарская подвыборка самоопределяется через региональную, этническую и гендерную принадлежность. В то же время все сравниваемые подвыборки имеют общие черты: региональную приверженность, самооценку по этническому и культурному признакам, слабость политического воздействия на идентичность.

Можно проверить наши результаты по опросу студенческой молодёжи Крыма (март 2016 г., выборка 1 100 чел. в городах, возраст 17–30 лет), проведённому коллективом под руководством Е. В. Бродовской [4, с. 42–51]. РК и Севастополь сходны высоким уровнем региональной и локальной идентичности, опережающей по влиянию общероссийскую (национально-государственную), значительной политизацией взаимных восприятий индивидов и этнических групп. Этнический и конфессиональный маркеры идентификации почти совпадают, тогда как языковой маркер (предпочтение русского языка) характерен для всех этнических групп. Соотношение идентичностей неустойчивое и сложное: в марте 2016 г. затруднялись определить иерархию самоидентификаций до 1/3 крымских и более 1/4 севастопольских опрошенных студентов [4, с. 44–45].

Важным представляется выявление источников знаний крымской молодежи о политике и межэтнических отношениях. Массовый опрос, организованный под руководством В. А. Чигрина (2018 г., выборка 1400 студентов КФУ имени В. И. Вернадского, включая филиалы), указал на следующую тенденцию: на первом месте по влиянию социальные сети – 66,6 %, на втором – разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми – 63,5 %, на третьем – общероссийские телеканалы – 41,6 %, на четвертом – иностранные интернет-ресурсы – 34,1 %, на пятом – случайные разговоры в общественных местах и слухи – 24,2 %, на шестом – крымские телеканалы – 15,5 %. Аутсайдерами стали общественные организации и сайты вуза – по 8,8 %, крымские газеты – 6,7 % [10, с. 54–63]. Следовательно, российские акторы этнополитики и политики идентичности должны учитывать эти распределения при выборе каналов и методов информационного влияния на крымскую молодежь.

Недостаточно изученным аспектом темы можно считать межрегиональные сравнения восприятий идентичности и межэтнических отношений. Г. С. Денисова провела синхронный массовый опрос 2016 г. в РК (выборка 400 чел.), а также Республике Адыгея, Краснодарском крае и Ростовской области (все старше 18 лет). Выявлен примерно равный уровень оценки межэтнических отношений, что подтверждает и более позднее исследование И. В. Задорина [6, с. 102–136]. В том числе при исследовании Г. С. Денисовой в Крыму сочли, что отношения хорошие, 44,6 % респондентов; назвали отношения спокойными при обособленности этнических групп 28,2 %; предполагали наличие напряженности 10,0 %; признали существование межнациональных конфликтов 6,7 %; затруднились с ответом 10,5 % [5, с. 159–164]. В числе причин межэтнической напряженности назвали «несовместимые нормы и правила поведения представителей разных этнических групп» 29,4 % опрошенных крымчан (значительно меньше, чем в других регионах Юга России). Та же тенденция с признанием причиной напряженности «конкуренции за рабочие места» 19,9 % и «вызывающих форм бытового повседневного поведения молодежи» 14,2 % в РК. Повышенное значение опрошенные крымчане придают таким причинам напряженности, как «требование предоставления особых прав и льгот тем или другим народам» – 29,7 %, «соперничество за землю между представителями разных этнических групп» – 26,9 %, «агрессивность в межгрупповых отношениях» – 20,6 % [5, с. 159–164]. Итак, в восприятии крымчан иерархия факторов межэтнической напряженности своеобразна, а сам уровень субъективно признаваемой напряженности несколько ниже, чем в иных регионах ЮФО.

Эксперты обращают внимание на различия детерминант идентичности сообществ Республики Крым и г. Севастополя. Так, в РК значительную роль в конструировании ценностей и политических индивидов играют этнический и конфессиональный факторы, а в г. Севастополе – социальный статус индивидов. Различия объясняются в научной литературе с помощью концепта «тропы зависимости» и сравнения уровня этнической мозаичности обоих сообществ [3; 13].

Специфика социокультурного сообщества севастопольцев раскрыта Р. Э. Бараш по материалам массового опроса (июнь – сентябрь 2015 г.). Отмечается преобладание русской самоидентификации респондентов (76 %), ещё 12 % считают себя носителями «двойной национальности». Считали себя гражданами России 93 %, только гражданами Украины – 1,9 %, имели двойную приверженность – 2 %. Принципиально важен и вопрос об иерархии идентичности. Национально-государственную идентичность назвали первоочередной 77 % опрошенных, региональную – 16 % и этническую – 4 %. Вместе с тем, считают своей «большой Родиной» Россию 55 %, Крым – 12 %, Севастополь – 5 %, СССР – 4,5 %, Украину – 2 %. На вопрос о малой родине 33 % севастопольцев назвали свой город и только 22 % – Крым в целом [3, с. 116–122].

Характерно двуязычие севастопольского сообщества (умеют говорить, читать и писать по-русски 100 % опрошенных, а по-украински – 56 %). Однако языком бытового и делового общения выступает только русский язык (70 % в сравнении с 0,5 % предпочитающих украинский язык) [3, с. 118–120].

Межэтнические отношения считали спокойными 85 % севастопольцев, 10 % затруднились дать оценку и лишь 5,2 % назвали отношения напряженными. Считающих, что за последний год межэтнические отношения в Крыму улучшились, 34 %. Относительное большинство (48 %) назвало отношения неизменными. Лишь 7,5 % считали, что данные отношения ухудшились (10 % воздержались от оценок) [3, с. 118–120].

Бесспорно, мнения и выводы политологов должны проверяться на основе репрезентативных результатов массовых опросов, статистики, документов органов государственной власти. Важны опубликованные итоги исследования общественного мнения крымских татар (проведены Федеральным агентством по делам национальностей, декабрь 2016 – январь 2017 г.

[7]). По данному анкетному опросу (выборка 1000 крымских татар всех возрастов), 46 % респондентов ощущают себя гражданами России, гражданами Украины – лишь 7 %. Не ощущают межэтническую напряжённость в повседневной жизни 81 % опрошенных. 72 % опрошенных за 2016 г. не сталкивались с неприязнью или враждебностью к себе из-за этничности, а 89 % не испытывали неприязни и недоверия к себе из-за религиозных убеждений. Оценивают изменения в Крыму положительно 31 % респондентов. Большинство (61 %) не одобряют политику Украины в отношении Крыма, а в её поддержку высказалось только 13 % респондентов. В решении своих проблем рассчитывает на власти России – 26 %, на власти Крыма – 24 %, власти города и района – 11 %. На помощь со стороны властей Украины надеются лишь 2 % респондентов [7].

Наконец, значимым аспектом межэтнических отношений становится восприятие миграции, поскольку приток в Крым инвестиций и рабочей силы из материковой части России неизбежно усиливает этническую мозаичность и привносит новую повестку дня взаимодействий народов. В нашем массовом опросе крымской и севастопольской молодёжи под руководством И. В. Юрченко (2018 и 2019 гг.) особенно показательно сравнение с соседним Краснодарским краем, где экономический рост привёл к повышению уровня мигрантофобии. Но молодёжь Крымского полуострова чаще всего затрудняется ответить, есть ли в их регионе проблема трудовой конкуренции между местными жителями и переселенцами (42,5 % ответов в РК и 42,0 % в г. Севастополе). Считают, что проблема существует, 26,5 % респондентов в республике и 32,8 % в городе. При ответе на вопрос, способствует или препятствует приток мигрантов развитию Крыма, уже наметился небольшой перевес негативных ответов: 20,9 против 19,6 % позитивных в РК и 23,7 против 16,9 % в Севастополе.

Среди молодёжи, опрошенной в РК, ответили, что лучше привлечение рабочей силы, чем ограничение её притока, 47,1 % (желают ограничить приток 52,9 %). Однако в г. Севастополе отношение более негативное: за привлечение мигрантов 38,1 %, против – 61,9 %. В целом по Крымскому полуострову предлагают ужесточить миграционное законодательство в 3,5 раза чаще, чем ослабить.

Сделаем выводы. За 2017–2019 гг. восприятие межэтнических и конфессиональных отношений крымской молодёжью стало менее конфликтным, относительно большинство респондентов оценивает положение как умеренно позитивное. Оценки ситуации русской и украинской молодёжью близки по модальности, так как украинское сообщество в Крыму слабо сплочено и склонно к ассимиляции. Крымско-татарская молодёжь наиболее интегрирована внутри этнической группы и дистанцирована от славянского большинства и в религиозном, и в языковом, и в политическом аспектах.

В самосознании севастопольцев отчётливо преобладает российская национальная идентичность, она сочетается с ярко выраженным регионализмом и локальным патриотизмом. Это позволяет считать севастопольскую идентичность сложносоставной, а данное сообщество – более отчётливо выраженным в сравнении с крымским.

«Группы риска» – работающая молодёжь, особенно в Симферополе и его пригородах, а также в сельских районах с повышенным удельным весом мусульман, лица с низкими доходами. Вместе с тем, существуют и тенденции развития межэтнических и конфессиональных отношений молодёжи на Крымском полуострове остаются умеренно-позитивными.

Необходимо уделить внимание исследованиям идентичности, межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму не только на материалах опросов молодёжи, но и других социальных и демографических групп; основные усилия государственной информационной политики по конструированию российской идентичности полезно сосредоточить в социальных сетях и иных интернет-ресурсах.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва : Кучково поле; КАНОН-Ц, 2001. – 288 с.
2. Баранов, А. В. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодёжью Кубани и Крыма / А. В. Баранов, М. В. Донцова, В. А. Чиргин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 5–2. – С. 43–53.
3. Бараш, Р. Э. Мировоззренческие, социокультурные и общественно-политические установки жителей г. Севастополя после 2014 г. / Р. Э. Бараш // Власть. – 2017. – № 11. – С. 116–122.
4. Бродовская, Е. В. Ценностные установки молодёжи Крыма и Севастополя в сфере межнациональных отношений: результаты прикладного анализа / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов, С. А. Казаченко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 42–51.

5. Денисова, Г. С. Сравнительный анализ оценок населением Крыма и других регионов ЮФО характера межэтнических отношений / Г. С. Денисова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), спецвып. 1. – С. 159–165.
6. Задорин, И. В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» / И. В. Задорин // Политика. – 2018. – № 2. – С. 102–136.
7. Игорь Баринов: «70 % крымских татар успешно адаптировались к жизни в России». – Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/news/2017/03/13/3145-igor-barinov-70-krumskih-tatar-uspeshno-adaptirovalis-k-zhizni-v-rossii>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Канах, А. М. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: некоторые результаты социологического исследования / А. М. Канах, Л. П. Нелина, О. В. Ярмак // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), № 1. – С. 50–63.
9. Киселёва, Н. В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. В. Киселёва, А. В. Мальгин, В. П. Петров, А. А. Форманчук. – Симферополь : Салта, 2015. – 345 с.
10. Масеев, С. В. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электоральной культуры / С. В. Масеев, В. А. Чигрин // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), № 2. – С. 54–63.
11. Мукомель, В. И. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей / В. И. Мукомель, С. Р. Хайкин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 3. – С. 51–68.
12. Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. – Москва : Открытое мнение, 2016. – 46 с.
13. Ситнова, И. В. Возвращение домой: рефлексия жителей Севастополя после трех лет начала Русской весны / И. В. Ситнова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), спецвып. 2. – С. 215–225.
14. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В. Ю. Зорин, Р. А. Старченко, В. В. Степанов. – Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2017. – 216 с.
15. Barth, F. Ethnic Groups and Boundaries / F. Barth // Theories of Ethnicity: A Classical Reader. – New York : New York University Press, 1996. – P. 294–323.

References

1. Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Dissemination of Nationalism]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., KASNON-C Publ., 2001, 282 p.
2. Baranov, A. V., Dontsova, M. V., Chigrin, V. A. Orientatsii i ustanovki vospriyatiya mezhetnicheskikh i mezhkonnfessionalnykh otnosheniy rabotayushey molodezhyu Kubani i Kryma [Orientations and Perceptions of Inter-ethnic and Inter-faith Relations by Working Youth of the Kuban and Crimea]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Socio-Educational Thought], 2018, vol. 10, no. 5–2, pp. 43–53.
3. Barash, R. E. Mirovozzrencheskie, sotsiokulturnye i obshchestvenno-politicheskie ustanovki zhiteley g. Sevastopolya posle 2014 g. [Worldview, Socio-cultural and Socio-political Attitudes of Residents of the City of Sevastopol after 2014]. *Vlast* [The Power], 2017, no. 11, pp. 116–122.
4. Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Karzubov, D. N., Kazachenko, S. A. Tsennostnye ustanovki molodezhi Kryma i Sevastopolya v sfere mezhnatsionalnykh otnosheniy: rezultaty prikladnogo analiza [Value Attitudes of the Youth of Crimea and Sevastopol in the Field of Inter-ethnic Relations: Results of Applied Analysis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences], 2017, no. 3, pp. 42–51.
5. Denisova, G. S. Sravnitelnyy analiz otsenok naseleniem Kryma i drugikh regionov YuFO kharaktera mezhetnicheskikh otnosheniy [A Comparative Analysis of Assessments by the Population of Crimea and Other Regions of the Southern Federal District of the Nature of Inter-ethnic Relations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psihologiya* [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2018, vol. 4 (70), special iss. 1, pp. 159–165.
6. Zadorin, I. V. Regiony "rubezha": territorialnaya identichnost i vospriyatie "osobosti" [Regions of the "Frontier": Territorial Identity and Perception of the "Singularity"]. *Politiya* [Politiya], 2018, no. 2, pp. 102–136.
7. Igor Barinov: "70 % krymskikh tatar uspeshno adaptirovalis k zhizni v Rossii" [Igor Barinov: "70 % of Crimean Tatars Successfully Adapted to Life in Russia"]. Available at: <http://fadn.gov.ru/news/2017/03/13/3145-igor-barinov-70-krumskih-tatar-uspeshno-adaptirovalis-k-zhizni-v-rossii>.
8. Kanakh, A. M., Nelina, L. P., Yarmak, O. V. Faktory formirovaniya natsionalnoy identichnosti studentov Respubliki Krym i Sevastopolya: nekotorye rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya [Factors of the Formation of National Identity of Students of the Republic of Crimea and Sevastopol: Some Results of a Sociological Study]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psihologiya* [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2018, vol. 4 (70), no. 1, pp. 50–63.
9. Kiseleva, N. V., Malgin, A. V., Petrov, V. P., Formanchuk, A. A. *Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniya* [Ethnopolitical Processes in the Crimea: Historical Experience, Modern Problems and Prospects for Their Solution]. Simferopol, Salta Publ., 2015, 345 p.

10. Maseev, S. V., Chigrin, V. A. Rol i mesto politicheskoy sotsializatsii molodezhi v formirovaniye ee elektoralnoy kultury [The Role and Place of Political Socialization of Youth in the Formation of its Electoral Culture]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2018, vol. 4 (70), iss. 2, pp. 54–63.

11. Mukomel, V. I., Khaykin, S. R. Krymskie tatory posle “krymskoy vesny”: transformatsiya identichnostey [Crimean Tatars after the “Crimean Spring”: Transformation of Identities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 2016, no. 3, pp. 51–68.

12. Proekt “Otkrytoemnenie – Krym-2016”. Kratkiy analiticheskiy otchet po itogam issledovaniya. Versiya ot 15.07.2016 [The Project “Open Opinion – Crimea – 2016”. Brief Analytical Report on the Results of the Study. Version from 07.15.2016]. Moscow, Otkrytoe Mnenie Publ., 2016, 46 p.

13. Sitnova, I. V. Vozvrasheniye domoy: refleksiya zhitel'ey Sevastopolya posle trekh let nachala Russkoy vesny [Homecoming: Reflection of the Inhabitants of Sevastopol After Three Years of the Beginning of the Russian Spring]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2018, vol. 4 (70), special iss. 2, pp. 215–225.

14. *Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma. Organizatsiya monitoringa i rannego preduprezhdeniya etnicheskikh i religioznykh konfliktov* [Ethnic and Ethnopolitical Map of Crimea. Organization of Monitoring and Early Warning of Ethnic and Religious Conflicts]. Ed. by V. Yu. Zorin, R. A. Starchenko, V. V. Stepanov. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., 2017, 216 p.

15. Barth, F. *Ethnic Groups and Boundaries. Theories of Ethnicity: A Classical Reader*. New York, New York University Press, 1996, pp. 294–323.

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-073-078

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОХРАНЕНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Глазков Александр Петрович, доктор философских наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

Исследование общественно значимых инструментов, позволяющих сохранить межконфессиональное единство, является актуальной для Российской Федерации, которая является многоконфессиональной страной. Рассмотрена государственно-конфессиональная политика в поликонфессиональном регионе. Особое внимание уделено значению межконфессионального диалога для установления мира и спокойствия в обществе. Данное исследование позволяет прояснить значение межконфессионального диалога в деле установления межконфессионального согласия и межконфессионального сотрудничества. В работе обозначаются его основные направления. Автором используется методология социально-философского подхода, который даёт возможность прояснить ключевые понятия и принципиальные основы для его организации. Достижение межконфессионального согласия возможно через организацию межконфессионального диалога. Целью межконфессионального диалога является не сближение позиций религиозных организаций в догматических вопросах, а решение тех проблем, которые лежат в сфере установления взаимопонимания на уровне человеческих отношений. Благодаря этому возможна профилактика потенциальных конфликтов. Поддержание нравственных, традиционных устоев общества позволяет сохранить национальную идентичность, противостоять вызовам культурной глобализации. Решение этой задачи позволяет выйти на уровень межконфессиональной солидарности, что станет мощным фактором интеграции общества и установления в нём мира и единства.

Ключевые слова: конфессия, межконфессиональный диалог, государственно-конфессиональная политика, межконфессиональная солидарность, религия, конфессиональные отношения, идейные сообщества, веротерпимость, гражданское общество, государственная политика

STATE CONFESSIONAL POLICY AND PRESERVATION OF THE INTER-CONFESSIONAL CONSENT

Glazkov Aleksandr P., D. Sc. (Philosophy), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

The study of socially significant tools to maintain inter-religious unity is relevant for the Russian Federation, which is a multi-religious country. The article deals with the state-confessional policy in the multi-confessional region. Particular attention is paid to the importance of interfaith dialogue for the establishment of peace and tranquility in society. This study makes it possible to clarify the importance of inter-confessional dialogue in the establishment of inter-confessional harmony and inter-confessional cooperation. The paper outlines its main areas of focus. The author